

Р.У.Сетон-Уотсон и историческая судьба Австро-Венгрии в 1914 г.

Эволюция взглядов шотландского интеллектуала

Андрей Носков

Шотландский ученый Роберт Уильям Сетон-Уотсон (1879–1951 гг.) – основатель Школы славянских исследований при Королевском колледже Оксфордского университета, отец британской славистики, публицист, историк и общественный деятель, приложивший огромные усилия во время и после Первой мировой войны для ликвидации Габсбургской империи и создания национальных славянских государств в Центральной и Южной Европе, придерживался до 1914 г. совершенно иной позиции по вопросу о будущем Австро-Венгрии.

Деятельность Сетон-Уотсона в предвоенное время была направлена по большей части исключительно на создание историко-антропологических исследовательских работ, посвященных славянству и проблемам взаимоотношения сла-

вянских народов с двумя государствообразующими этносами Габсбургского государства – венграми и австрийцами. В эти годы по вопросу самого существования Австро-Венгрии шотландский ученый имел четкую позицию неперемennого и обяза-

---

НОСКОВ Андрей Валерьевич – аспирант кафедры всеобщей истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р.Державина. *E-mail:* andrey-noskow@mail.ru

Ключевые слова: Р.У.Сетон-Уотсон, панславизм, военная пропаганда, Первая мировая война, мадьяризация, Австро-Венгрия.

тельного сохранения дуалистической системы, являвшейся залогом поддержания баланса сил в Европе, державшей славянские народы на отдалении от возможности объединиться под началом какой-то одной из славянских наций или оказаться втянутыми в орбиту великорусского и православного (т.е. великорусского) влияния.

Сетон-Уотсон был солидарен в этом убеждении с официальным внешнеполитическим курсом Лондона на Балканах: уже в XIX в. Форин-офис держался в балканских делах позиции недопущения главенства одного из народов, способного объединить под своей эгидой все остальные зависимые тогда от Оттоманской империи малые народы в противостоящее Турции, Австро-Венгрии или Британии государство.

Фактическим началом британского неприятия идей монополярной схемы устройства Балкан стал 1844 г., когда сербский министр внутренних дел Илия Гарашанин (1812–1874 гг.) подготовил «Начертание» – секретный до начала XX в. документ¹, содержащий рекомендации сербским политикам о необходимости объединения южных славян под эгидой Белграда. Будущий глава сербского правительства, стоявший в своей внешнеполитической программе на экспансионистских позициях, полагал, что Сербия должна была прирасти по четырем направлениям, а именно присоединить Боснию и Герцеговину, Черногорию, Старую Сербию – Косово (уже имевшее мусульманское албанское население), а также Воеводину².

«Начертание» не учитывало этнических перемен на старых сербских

территориях, произошедших за время турецкого владычества.

Косово уже не было исключительно гомогенным сербским краем: «В Косово, которое Гарашанин назвал Старой Сербией, к тому времени наряду с сербским уже жила значительная часть албанского населения, а в Северной Албании, которую Гарашанин также видел в составе будущей Великой Сербии, сербов почти не было»³.

Подобные внешнеполитические планы тогда еще полузависимого от Стамбула и находившегося в результате русско-турецких войн 1806–1812 и 1828–1829 гг. под протекторатом Санкт-Петербурга Сербского Княжества⁴ были всего лишь проектами, но именно идея югославизма стала одной из важнейших идей в балканской политике XX в.; славнофил Сетон-Уотсон, несмотря на разделяемую им позицию британского внешнеполитического ведомства, симпатизировал сербам в годы Первой мировой войны и многое сделал для возникновения Королевства сербов, хорватов и словенцев.

Сетон-Уотсон на протяжении всей жизни придерживался того мнения⁵, что краеугольным камнем любой империи является следование общему принципу британской внешней политики, тремя главными принципами которой были: «Невозможность изоляции, неприятие гегемонии какой-либо одной державы и решимость поддерживать британскую морскую силу как единственную гарантию империи и основание *Pax Britannica*⁶. При таком понимании главных задач Форин-офиса на Балканах и во всем мире Сетон-Уотсон мало выделялся из британского политического истеблишмента. Но шотландский исследователь, разде-

ляя геополитические воззрения правых консерваторов на судьбу балканских народов и балканских стран, привнес в эту стратегию, в отличие от остальных представителей островной интеллектуальной элиты, свойственный тогда только ему славянофильский элемент и фактически разделил точку зрения Гарашанина.

Сетон-Уотсон по своим воззрениям находился как бы в реалиях XIX в.: план Великой Сербии И. Гарашанина создавался не без влияния идей романтического национализма 1789 г. и 1830 г., привнесенных в него сотрудничавшими с Адамом Чарторыйским агентами, являвшимися и соратниками Гарашанина³. Крайне радикальная историософская суть «Начертания» артикулировала экстремумы сербского национального самосознания. Такой пансербский план объединения южного славянства в конечном итоге обратился и против российского влияния, а для Британии стал представляться крайне опасным явлением государственной мысли сербских элит.

В конце XIX в. проект Великой Сербии вызвал оживление в рядах сербских национал-патриотов и привел к образованию тайных обществ «Белая рука» и «Единство или смерть» («Черная рука»). Последнее приложило максимум усилий к дестабилизации положения на Балканах: «Млада Босна», членом которой являлся Гаврила Принцип, была ее «филиалом».

Линия Гарашанина – курс на воссоздание Сербского государства в его средневековых границах XIV в. – предполагала полную ликвидацию всего турецкого этнического и государственного влияния, считавшегося (не без оснований) главной причи-

ной многовекового государственного и национального прозябания славянских народов Балканского полуострова. Великосербские идеи были расиалистскими по своей сути, т.е. они не могли не оказать влияния на восприимчивого к любой славянской национально-освободительной борьбе Сетон-Уотсона.

Начало Первой мировой войны – катастрофы для континентальных империй – стало для Великобритании и ее интеллектуалов событием, создававшим непосредственную угрозу европейскому *status quo*.

До убийства Франца Фердинанда шотландский ученый отдавал предпочтение модели триализма. По-прежнему веривший в монархию, он в своей статье «Эрцгерцог Франц Фердинанд» (август 1914 г.) выразил надежду, что институт монархии устоит даже после совершенного сербским террористом убийства⁷. Но одновременно с этим Сетон-Уотсон понимал, что монархия не сможет удержать ситуацию под контролем, если не встанет на путь сотрудничества с оппозиционными национальными силами. Его последние надежды на введение в Венгрии всеобщего избирательного права были связаны с возросшим давлением на правительство со стороны леволиберальных сил. Сетон-Уотсон надеялся на Оскара Яси и венгерских социалистов, а также на малоземельных венгерских крестьян, которые являлись «естественными друзьями словаков»⁷.

Проявление личностных предпочтений сыграло свою роль. Вступление Великобритании в войну сделало Габсбургов врагами Саксен-Кобург-Готской династии. Габсбурги,

объявив войну Белграду, отказались, по мнению Сетон-Уотсона, от своей основной роли независимого фактора в европейском балансе сил. Более того, Вена стала проводником экспансионистских устремлений пангерманизма, который рассматривал венгерскую аристократию как важного союзника. Именно факт нарушения Австро-Венгерской монархией сложившегося баланса сил в Европе и ее выступление на стороне Берлина постепенно заставили Сетон-Уотсона признать необходимым раздел Австро-Венгрии по этническому принципу. Но сначала Сетон-Уотсон был довольно осторожен в своих суждениях.

В конце августа 1914 г. Сетон-Уотсон стал искать встречи с лидерами национальных меньшинств Австро-Венгрии. Не встав еще окончательно и бесповоротно на позиции непримиримого отношения к Вене, шотландский ученый принял решение выяснить планы национальных движений всеми доступными ему средствами.

Убеждение, что «распад монархии был единственным решением национальных проблем»⁸, пришло далеко не сразу. Естественно, не обошлось без доводов Томаша Масарика, объявившего себя лидером чехов и словаков, борющегося за их отделение от Вены и Будапешта, с которым он встретился в конце лета 1914 г. в Роттердаме. Встреча Сетон-Уотсона с Масариком, настойчиво добивавшимся включения словацких земель в состав будущего чехословацкого государства, привела к изменению первоначального мнения Сетон-Уотсона о желательном государственном устройстве словаков. Отныне он стал рассматривать Словакию как есте-

ственную часть будущего Чехословацкого государства. Масарик, будучи словаком, т.е. представителем любимого шотландским ученым народа, оказал решающее влияние на позицию Сетон-Уотсона.

Большое значение в историографии британской пропаганды против Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны придается деятельности Генри У.Стида – корреспондента «Таймс» в Вене (в 1902–1913 гг.), который, как и Сетон-Уотсон, «изначально выступал за либеральные реформы» в Габсбургской монархии и относился к ней «благоклонно, несмотря на все ее недостатки»⁹.

Г.Стид по возвращении в Англию стал сотрудничать с Сетон-Уотсоном (с которым дружил с середины 10-х годов), пропагандируя идеи освобождения славянских народов Австро-Венгрии. Стид, разделявший традиционный британский курс на сохранение баланса сил на Европейском континенте, после убийства Франца Фердинанда и начала бомбардировки Белграда счел такой ответ Вены «нечестиво безрассудным, если не сказать сознательно суицидальным»¹⁰. Быстро войдя в сношения с Форин-офисом, Стид получил возможность влиять на общественное мнение для «пробуждения в нем возмущения против империи Габсбургов в пользу славянства»⁸.

К ноябрю 1914 г. Сетон-Уотсон окончательно сформулировал свое отношение к прошлому, настоящему и прогнозируемому будущему сосуществования Австро-Венгрии с миром южного славянства. В эссе «Австро-Венгрия и южные славяне»¹¹, которое предназначалось для

массового интеллигентного читателя, он представил следующее видение конфликта.

По словам Сетон-Уотсона, политическая элита славянских народов уже за несколько лет до начала Первой мировой войны предвидела неизбежность возникновения мощных противоречий между своими народами и Австро-Венгрией. Шотландский исследователь ссылаясь на высказывание черногорского премьер-министра доктора Томановича, с которым встречался в 1909 г. сразу же после аннексии Боснии и Герцеговины Веней. Премьер сказал тогда Сетон-Уотсону, что конфликт был просто отложен, что это «вопрос или-или – либо Сербия и Черногория, либо Австро-Венгрия. Один или другой должен уйти, и тогда вы сможете отдохнуть и быть уверенными, что через четыре, самое больше через пять лет будет европейская война из-за этого вопроса»¹¹.

Сетон-Уотсон утверждал, что в то время он не поверил в такое пророчество, посчитав его «доказательством сербской мании величия, но в итоге оно было буквально исполнено»¹¹.

Австрийский нажим на Балканы усиливался при попустительстве великих европейских держав, апофеозом же этой драмы стало убийство Франца Фердинанда и графини Софии Хотек. Вена, по мнению Сетон-Уотсона, использовала это трагическое событие как предлог для развязывания войны против Сербии и славянства в целом.

В сближении Берлина, Вены и Стамбула Сетон-Уотсон видел подтверждение своей теории о том, что славян нужно освободить не только из-под германского и мадьярского влияния и главенства, но и от остат-

ков турецкого владычества, выразителем которого являлись младотурки, активно сотрудничавшие с Центральными державами.

«Это не простая случайность, что официальные круги Германии и Венгрии проводят активную тюркофильскую политику». И далее: «Так же как младотурецкая политика тюркизации привела к неизбежности войны между Турцией и балканскими государствами, так и проводимая в течение жизни двух поколений политика мадьяризации посеяла семена войны между Австрией и южными славянами. В первом случае можно было изолировать конфликт, в последнем это вовлекло большую часть Европы во всеобщую катастрофу»¹¹.

Проведенные параллели между тюркизацией – расовой политикой полуфеодальной и стремительно разваливавшейся под грузом внутренних и внешних проблем Османской империи и мадьяризацией – объективно реакционной линией венгерской земельной аристократии – давали Великобритании *carte blanche* на начало войны с Австро-Венгрией. Подобная оценка австро-венгерской политики хоть и не делала государство Габсбургов «страной-изгоем» – в то время подобной практики в отношении суверенных европейских держав не существовало, – но значительно расширяла полномочия Антанты при урегулировании национальных проблем Австро-Венгрии по своему усмотрению.

Очень важным замечанием, помогающим раскрыть одну из причин крайне негативного отношения шотландского исследователя к мадьяризации, является следующая сентенция: «Королевство Венгрия, которое с 1526

по 1687 г. частично находилось под властью Турции, на протяжении XVIII в. влячило «растительное» состояние. Этот период затишья был необходим для восстановления после изнурительных войн. Древняя венгерская конституция, существовавшая, по сути дела, с XIII века, была забыта на время турецкого ига»¹¹.

В том, что Сетон-Уотсон первоначально видел источником негативных качеств мадьяризации азиатское происхождение венгерского народа, сказывалось влияние свойственного его эпохе социал-дарвинизма. Именно славянофильские убеждения и возведение австрийцев и венгров в ранг народов, виновных во всех сербских бедах, дали основания некоторым историкам считать публицистические и исторические сочинения Сетон-Уотсона времен Первой мировой войны больше страноведческими исследованиями, направленными на разжигание в общественном мнении стран Антанты «австрофобии» и слагавшими с сербов всю ответственность за их положение¹².

Возвращаясь к теме мадьяризации, можно заметить, что именно в начале-середине XIX в., по мнению Сетон-Уотсона, произошло оформление венгерской нации и был заложен фундамент неравноправного положения славянских народов на венгерских землях. Официальное разделение Венгерском королевстве (1840 г.) народов на мадьяр (*populus*) и славянское меньшинство (*plebs*), стало отправной точкой официальной политики по ущемлению прав невенгерского населения. Венгерская национальная аристократия монополизировала свое право на учас-

тие в политической жизни, в выборах и управлении, а громадная доля населения (словаков, хорватов, сербов, румын, саксов) оказалась лишенной политических прав и оказалась принужденной к национальному прозябанию¹¹.

Мощные революционные события 1848 г. не позволили этой системе устоять. Австрия тогда впервые получила конституцию, Венгрия также получила чрезвычайно свободный основной закон, но наступление реакции и вторжение российских войск вскоре похоронили надежды на формирование национального государства западноевропейского типа.

Залогом прочности современной ему Австро-Венгрии Сетон-Уотсон полагал укрепление союзнических уз между Австро-Венгрией и Германской империей и опору Венгрии на свою олигархию. Огромную роль Сетон-Уотсон отводил австрийскому офицерскому корпусу «хоть и плохо оплачиваемому, но вдохновленному преданностью императорскому дому и ощущающему себя особым духом касты»¹¹, и католической церкви, обладавшей на территории Габсбургской монархии «значительными материальными ресурсами и сильным влиянием на крестьянина, ремесленника, суды, мелкую бюрократию»¹¹. Офицерский корпус и католическое духовенство цементировали государственное здание и не позволяли сепаратистским движениям набрать силу.

Политика мадьяризации приводила и к поражению языковых прав невенгерского населения империи Габсбургов. Массово сокращались словацкие школы: «число словацких начальных школ было сокращено с

1821 – в 1869 г. до 440 – в 1911 г.»¹¹. Это приводило к невозможности формирования словацкого среднего класса. Подобные меры осуществлялись и по отношению к трансильванским румынам.

Что касается дуалистической системы, то ее шотландский историк полагал обреченной из-за огромного различия в общественно-государственном устройстве австрийской и венгерской частей империи. Причиной же неминуемого ее краха должно было послужить «радикальное расхождение политических систем Австрии и Венгрии, парализующее влияющее на внешнюю политику монархии в целом»¹¹.

Если в Австрии у чехов существовали значительные права, шла речь о триализме, а сама Чехия была самым развитым индустриальным регионом Австро-Венгерской империи, то словаки и хорваты, румыны и русины проживали в аграрных областях Венгрии, что еще сильнее усложняло процесс формирования у этих

народов национального самосознания, позволявшего бы им отделиться от коррумпированной империи.

На сербов и Сербию Сетон-Уотсон возлагал особые надежды, полагая, что достаточный период независимого существования привел к «сербскому ренессансу», могущему послужить катализатором для славянского возрождения и в Австро-Венгрии.

В декабре 1914 г. он опубликовал брошюру, в которой призывал к расчленению Австро-Венгрии по этническому принципу. Доказывая необходимость подобных мер, он указывал на «систематические гнуснейшие притеснения словаков в Венгрии»¹³. Подобным же образом говорилось о необходимости приращения к Сербскому государству Далмации, Боснии, Истрии, Хорватии. Это должно было обеспечить «единство Сербии»⁷. Румыния также рассматривалась в качестве страны, претендовавшей на территории Габсбургов. Речь, в частности, шла о полной передаче Трансильвании Бухаресту.

События 1914 г. оказали серьезное влияние на представления британской интеллектуальной элиты о будущем Австро-Венгрии.

Война, взломавшая лед империалистических противоречий, выплеснула на пространство континентальной Европы стремительный поток атлантических проектов геополитического переустройства Старого Света.

Именно Р.У.Сетон-Уотсон стал одним из первых европейских ученых, кто открыто заявил о необходимости прямого вмешательства Британской империи в дела малых народов Центральной и Восточной Европы, историческую судьбу которых, по его мнению, нужно было разрешить в пользу небольших национальных государств.

Примечания

¹ Тимофеев А.Ю. Крест, кинжал и книга. Стара Сербия в политике Белграда (1878–1912). СПб., 2007. С. 10.

² Овчаренко О.Л., Сухушина О.В. Джерела й наслідники боснійської кризи (1908–1909 рр.) // Вісник Черкаського університету. Вип. 160/161. Черкаси, 2009. С. 181.

³ Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы. М., 2000. С. 29. 30.

- ⁴ Достян И.С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972. С. 239.
- ⁵ Нарочницкая Н.Н. Россия в идейных и геополитических проектах мировой истории, конец XIX–XX в.: В свете религиозно-философских основ истории. Дисс. ... д-ра истор. наук. М., 2002.
- ⁶ Seton-Watson R.W. Britain and the Dictators. Cambridge, 1938. P. 13.
- ⁷ Цит. по: Seton-Watson H. R.W. Seton-Watson and the Trianon Settlement / Essays on World War I: Total War and Peacemaking, A Case Study on Trianon. Brooklyn College Press, 1982. P. 5, 6.
- ⁸ Seton-Watson H., Seton-Watson C. The Making of a New Europe. R.W. Seton-Watson and the last years of Austria-Hungary. L., 1981. P. 43, 339.
- ⁹ Green E. Great Britain and Czechoslovakia: A Study in National Myth-Making and Policy Formation. A thesis submitted to the faculty of Wesleyan University in partial fulfillment of the requirements for the Degree of Bachelor of Arts with Departmental Honors in History. Middletown, 2008. P. 35.
- ¹⁰ Steed H. The Habsburg Monarchy. L., 1914. vi b, vi c.
- ¹¹ Seton-Watson R.W. The war and democracy / Austria-Hungary and the Southern Slavs. L., 1914. P. 121–163.
- ¹² Пархоменко Д.В. Внешнеполитические аспекты процесса модернизации в Сербии 80-х годов. XIX в. Дисс. ... канд. истор. наук. Казань, 2008 – 187 с.
- ¹³ Great Britain and the Making of The Treaty of Trianon / Essays on World War I: Total War and Peacemaking, A Case Study on Trianon. Brooklyn College Press, 1982. P. 109.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
журнал «Обозреватель-Observer» относится к категории
информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет

16+

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель-Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.

ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@ru.ru Электронная версия: <http://www.rau.ru>

Подписано в печать 17.10.2013. Формат 70x100 1/16. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 223.